

А.А.Гусейнов

УДК 171.0

Этические заметки о коронавирусе

Аннотация. В предлагаемом эссе сложившаяся в мире ситуация пандемии вируса SARS-CoV-2 (COVID-19) рассматривается как этический вызов, который заложен в предлагаемых средствах борьбы с ней, а именно – в самоизоляции и расширении социальной дистанции. Показано, что происходящая коррекция образа жизни, вызванная экстраординарными обстоятельствами, выявляет более глубинную связь между заботой о самом себе и общим благом. Вынужденное ограничение в пространстве обостряет личностное чувство времени. Моральные переживания приобретают экзистенциальный характер, ощущение времени расширяется до непознаваемых пределов. Предлагается такое понимание соотношения между прошлым, настоящим и будущим в жизнедеятельности человека, которое внутренне связано с нравственной мудростью, обязывающей совершать каждый поступок так, как если бы он был последним.

Ключевые слова: мораль, этика, самоизоляция, эгоизм, общий интерес, будущее, идеальное будущее.

Ситуация пандемии, связанная с коронавирусом, подталкивает к экзистенциальным размышлениям о бытии и времени: к размышлениям, так как изолируя от мира, оставляет наедине с собой; о бытии, так как запирая в стенах собственного дома, заставляет бежать от смертельной угрозы; о времени, так как ограничивая в пространстве, погружает внутрь времени. В самом деле, что делать, как не думать, когда ничего другого делать не можешь?! И о чем еще думать, как не о бытии, когда само существование поставлено под угрозу витающим в воздухе невидимым вирусом?! И как не задумываться о времени, когда стираются все измеряющие его календарные знаки, и ты теряешь счет дням недели и числам?!

* * *

Прежде всего, уточним, в чем состоит сама ситуация. Непосредственно она заключается в том, что правительства многих стран ответили на пандемию коронавируса чрезвычайными мерами, едва ли не сопоставимыми с реакцией на военное вторжение. Возникает сомнение: не является ли такая реакция избыточной, превышающей масштабы бедствия? По крайней мере, суждения некоторых авторитетных специалистов, не усматривающих в данной пандемии ничего

необычного по сравнению с двумя предшествующими вспышками вируса того же типа на протяжении последнего десятилетия, а по своим летальным последствиям вполне сопоставимым с привычными сезонными гриппами, заставляет задуматься об этом. Насколько могу судить, проблема заключается не столько в вирусе covid 19, сколько в возможностях и интересах сильных мира сего, которые на него реагируют. Другой стала не опасность нового вируса, другим стал мир, в котором она появилась. Именно, мир стал более взаимосвязанным, плотным, люди перемещаются из одного конца в другой настолько быстро и в таких масштабах, что это позволяет вирусу распространяться по планете и охватить ее всю намного быстрее и легче, чем 5-10 лет назад.

Ситуация коронавируса, которая доминировала в последние 2-3 месяца в публичной политике и средствах массовой информации, позволяет думать, что она диктуется не только необходимостью борьбы с пандемией. Трудно достоверно говорить о скрытых за ней интересах и силах, но несомненно, что она не изменила характер и линии противостояний, идеологических, экономических и, что особенно важно подчеркнуть, геополитических конфликтов в мире. Более того, она даже усилила эти конфронтационные напряжения. Много есть свидетельств, когда существующие в мире центры политических сил и экономических интересов пытаются использовать эту ситуацию в свою пользу. Если отвлечься от всех привходящих, внешних по отношению к пандемии вируса covid 19 факторов, и рассмотреть ее саму по себе, то в ней можно увидеть некую особенность, которая требует философского размышления.

Особенность эта состоит в следующем: человечество столкнулось с таким природным вызовом, который требует прямого и непосредственного глобального ответа. Чтобы справиться с пандемией требуется миру в целом признать её своей первоочередной практической задачей и направить максимально возможные действенные усилия на борьбу с ней. На повестку дня встал вопрос о конкретных и солидарных действиях в масштабе всего человечества – не общих призывов, деклараций и манифестов, а именно прямых целенаправленных действий, и не отдельных стран, а всего их национально оформленного множества. Можно было бы ожидать, что правительства отложат в сторону свои разногласия, новый импульс получат всемирные организации и, в целом, центроостремительные силы и т.д. И что же оказалось? Люди не бросились к всемирным организациям и структурам, а Президент страны, претендующей на лидерство в мире, даже ополчился на Всемирную организацию здравоохранения, которая и предназначена для того, чтобы координировать такую

работу. Вместо этого все вспомнили о своих границах, и правительства первым делом взяли под контроль именно их. Люди вспомнили о том, что они живут не вообще в мире, а в конкретных странах, и принадлежат не вообще к человечеству, а к конкретным народам, и все бросились в свои государства. И в самих государствах они также вспомнили, что у каждого есть свой регион, свой город, свой дом – то место, где они могут спрятаться от этого невидимого врага. Словом, люди стали разбегаться по своим домам, чтобы оказаться на той почве, где чувствуют себя прочней всего. Речь идет о простой вещи: оказалось, что глобальный ответ требует локальных действий, локальных до такой степени конкретности, когда они доходят до каждого человека.

Глобализация обернулась локализацией. Это не упрек, а констатация разумного способа действий. Иначе и не может быть: действия в своей первооснове всегда суть то, что делают индивиды, отдельные люди. Любое действие имеет свои всегда достаточные внешние причины, но какими бы достаточными (жесткими, объективными и т.д.) они ни были, оно, это действие (любое!) может состояться только тогда, когда за ним стоит решение самого индивида, который совершает его. Спусковым курком, зеленым светом, последней отмашкой является именно это решение. Оказывается, глобальное связано с локальным. Когда-то был лозунг (не помню, кому он принадлежит) «Мыслить глобально – действовать локально». Даже широко ходил вновь сочиненный термин «глокализация». Не хочу играть в слова и упражняться в диалектике. Подчеркну лишь простую мысль: опасность вируса, которая приобрела глобальный характер и потребовала глобального ответа, показала, что глобальное сопряжено с локальным, в своем реальном содержании вырастает из локального. Глобальность не означает стандартности мышления и действия, еще менее она может быть результатом подчинения неким сверху заданным единым решениям, или некоего изначально начерченного мудрого плана, выравнивающего по единому лекалу действия множества людей. Она является конечным (можно сказать, объективно складывающимся) итогом практически бесконечного многообразия действий индивидов и их объединений с их культурными, историческими, этническими и прочими особенностями. Выражаясь фигурально, можно сказать: глобализация не спускается сверху, она вырастает снизу. Она должна быть заложена в самих первичных сознательных действиях живых общественных индивидов, подобно тому, как роскошный раскидистый дуб вырастает из маленького желудя.

Словом, глобальный результат складывается из единичных практически бесчисленных локальных действий. Но это возможно

только в том случае, если эти локальные действия несут в своем зародыше, содержат то самое родовое начало, которое мы уже привычно называем глобальностью.

Хочу в этой связи обратить внимание еще на одну особенность исторической ситуации, сложившейся в ходе борьбы с пандемией.

* * *

Действия, которые общество в лице своих авторитетов требует от индивидов для того, чтобы эффективно и солидарно противостоять пандемии, состоят в самоизоляции, обеспечении так называемой социальной дистанции. Давайте задумаемся на первый взгляд в противоречивый, взаимоисключающий смысл слов: самоизоляция выступает как выражение солидарности, социальная дистанция рассматривается как выражение заботы о других. «Самоизоляция», «социальная дистанция» обозначают действия и отношения, которые обычно маркируются как эгоистические, как забота о своем благе (в данном случае – здоровье), эти термины более уместны для обозначения образа жизни, обращенного на частные интересы. А они рассматриваются в данной конкретной ситуации как сознательная гражданская позиция, выражение заботы об общем благе, даже как жертва во имя окружающих нас людей. И правительства видят свои задачи в том, чтобы создать условия для такой самоизоляции и дистанцирования людей друг от друга, идут для этого на чрезвычайные меры. Складывается такая парадоксальная связка привычных понятий и целей, которая в сложившейся кризисной ситуации выражает их более глубокий и подлинный смысл: общее благо на самом деле только тогда является общим благом, когда оно не противостоит индивидуальному благу (благу отдельных индивидов), а является их продолжением и выражением. Если говорить в терминах глобального и локального, то глобальное только тогда является действительно глобальным, когда оно продолжает и выражает локальное. В самом деле, если глобальный ответ на пандемию состоит в том, чтобы в максимально возможной степени затруднить передачу вируса от одних (уже заболевших) к другим, то самоизоляция, социальное дистанцирование, будучи заботой о своем собственном здоровье сугубо эгоистическими (локальными) действиями, несут в себе глобальное начало и являются заботой об общем благе. Думаю, здесь есть над чем подумать социологам и моралистам, чтобы обогатить наши представления о соотношении индивидуального и общественного. Как не вспомнить суждение Маркса и Энгельса о том, что «как эгоизм, так и самоотверженность есть при определенных обстоятельствах необходимая форма самоутверждения индивидов» [5, 236]?! И по-другому не может быть, ибо «всюду в истории “общий интерес”

созидается индивидами, которые определены в качестве “частных людей”» [5, 236]. Не в том ли состоит уникальность исторической ситуации текущей пандемии, что адекватный общему (глобальному) интересу ответ на него вызвал необходимость определенных эгоистических действий от всех индивидов как частных людей?

* * *

Самоизоляция оказывается изоляцией двоякого рода. Во-первых, она изолирует от непосредственных живых контактов с другими людьми, последние все – за исключением самых близких домашних – оказываются на таком расстоянии, когда общение с ними становится возможным только на интеллектуальном уровне. Расширение расстояния между индивидами в процессе общения расширяет также границы времени, при этом последние меняются так радикально, что теряется линия, отделяющая прошлое от настоящего. К примеру, если я могу послушать доклад коллеги только по интернету, без живого присутствия, без ощущения атмосферы и реакции зала, в котором он произносится; без реплик и вопросов, в которых он получает продолжение; без последующих разговоров вокруг него за бокалом вина или в ходе чаепития; без порожденных им шуток и т.д., т.е. без всей этой конкретики, которая придает данному событию единственность мига живой жизни, и в особенности, если учесть, что могу послушать этот же доклад после в записи, то уместно задать вопрос: чем такой способ связанности со своим современником отличается от моих действий, моего способа жизни, когда я читаю трактат мыслителя каких-то далеких прошлых эпох? Если в результате вынужденной удаленности общения его решающей основой становятся логика и интеллектуальное воображение, то предки, которые смогли, «умирая воплотиться в пароходы, строчки и другие долгие дела», выравниваются в линию наряду с живыми, даже становятся ближе. Появляется эффект непрерывной длительности, когда теряешь счет не только дням, месяцам, годам, но и столетиям.

Во-вторых, самоизоляция изолирует также от многоцветного мира благ и разносторонних удобств, она сводит их к необходимому минимуму. Когда задавался режим домашнего заточения и намечались постепенные шаги выхода из него, первым делом обращали внимание на супермаркеты, салоны красоты, парикмахерские, фитнес-клубы, парки, курорты, т.е., на всю разветвленную индустрию удовольствий и развлечений как то, чем приходится жертвовать. Пандемия оказалась вызовом нашей способности к ограничению материальных потребностей и желаний. Сразу вспомнились времена и

люди, когда вообще не было многих удобств, которые стали нашей повседневностью.

Словом, самоизоляция потребовала коррекции и массового образа жизни в сторону самоуглубления, самоограничения, самососредоточенности, ответственности перед самим собой. Речь идет о таком выправлении частных и общих интересов, когда вторые являются выражением и суммированным выражением первых, о таком уточнении взгляда на себя и других, когда, перефразируя известную евангельскую истину, лучше заняться соринкой в своем глазу, чем бревном в чужом.

Сейчас много говорят о том, как изменится мир после пандемии. Большинство придерживаются мнения, что он не останется прежним. Конечно, как учил философ, все меняется, но насколько глубоко будут эти изменения, повлияют ли они существенно на наши ценностные приоритеты и весь образ жизни, а тем более, на сам цивилизационный порядок. Можно предположить, что появятся новые акценты в архитектонике поведения людей, в их привычках. Например, нет ничего невероятного в том, что изменятся (станут бесконтактными) формы приветствия, закрепится увеличение социогигиенического дистанцирования и т.п. Ожидаются новшества в способах организации деловой жизни и публичного пространства, прежде всего, в связи с широкими возможностями цифровизации. Возможно, в чем-то изменятся демократические процедуры, способы расселения людей. Обо всех этих изменениях лучше могут сказать футурологи, прогнозисты, профессионалы по стратегическому планированию и другие специалисты по предсказуемому будущему. Все такого рода изменения, по крайней мере, в том, что касается нравов, общественных привычек, надо полагать, будут иметь постепенный, не единовременный характер. И даже более радикальные изменения, которые связываются с новыми поистине революционными технологическими возможностями, вряд ли коснутся самого миропорядка в его извращенных социальных основах и смертельных опасностях, угрожающих существованию человечества. Как сказал недавно в одном интервью мудрый Наум Хомский: «Коронавирус пройдет, а ядерное оружие и потепление климата останутся».

* * *

В ситуации пандемии люди, вынужденно отдалившись друг от друга, оказались наедине с собой. И тем самым острее ощутили свою брэнность. Невольно задумываешься: откуда и куда я в этом мире?

Наши привычные представления о человеческой жизни, когда ее события располагаются на шкале времени, одни из них относятся к прошлому, другие – к будущему, третьи – к настоящему, являются результатом объективированного подхода ко времени, взгляда на него со стороны. Но если взглянуть на это изнутри – как его воспринял бы сам субъект, погруженный во время своей жизни, – то трехзвенная шкала исчезает и остается одна сплошная линия настоящего. Например, если взять взрослого человека, то в рамках объективированного (стороннего) взгляда его детство считается прошлым, его старость – будущим, а взрослость – настоящим. Иное дело – внутреннее восприятие жизни самим взрослым человеком. Он непосредственно включает в себе свое детство и не только в памяти, воспоминаниях, фотографиях, но и в своих привычках, заработанных в детстве шрамах и т.п., и он же несет в себе свою старость, и внутренней тревогой, страхами, и накоплением средств и т.д.; и детство и старость являются его настоящим, органичной частью его текущей жизни.

Словом, настоящее растянуто на всю конкретную длительность жизни того или иного субъекта, втягивая в себя, собирая воедино в качестве своих органичных моментов все ее события: и те, что случились раньше, и те, что произойдут позже. Что касается собственно прошлого и будущего за пределами того реального настоящего, растянутого на все историческое существование социального субъекта, они остаются закрытыми (неизвестными) территориями – подлинными выходами в неизвестность бесконечного. Действительного прошлого, которое не стало настоящим (не трансформировалось в память), мы не знаем, оно подлежит открытию, реконструкции. К примеру, если придерживаться проверяемых фактов, то своих предков я знаю до прапрадеда, жившего во второй половине XVIII века, знаю их имена, занятия, посещаю могилы; они органично входят в мою жизнь, занимая в ней свое место. Они суть – мое настоящее, та часть настоящего, которая именуется памятью. Что было до этого мне неизвестно, это и есть мое прошлое. Тем более мы не знаем будущего, оно как реальность вообще не существует и его еще подлежит создать.

О будущем в рамках человеческого социального опыта можно говорить в двух существенно различных смыслах. Во-первых, как обозримой пролонгации времени жизни самого субъекта, получающей выражение в его целях, планах, проектах, стратегических расчетах. В таком понимании будущее входит в настоящее в качестве его предела – предела вполне возможного, обозримого, просчитываемого, деятельно осваиваемого. Если говорить о социуме (народе, государ-

стве), то это такое представление о его воспроизводстве во времени, которое позволяет ему развиваться, совершенствоваться, оставаясь неизменно в том же качестве. Если говорить о жизни индивида, то это его видение своего существования, пока он живой. Во-вторых, будущее как то, что наступит после жизни самого субъекта, как время, в котором не будет данного субъекта с его представлениями о будущем и, следовательно, не может быть самих этих представлений. Это – не предел настоящего, в котором живет субъект, а другое настоящее, другая форма жизни, в котором данного субъекта не будет. Это и есть будущее в собственном смысле слова, и оно остается для социального субъекта совершенно закрытым, неизвестным или, что в данном случае одно и то же, полностью открытым, своего рода неисчерпаемым резервуаром для эволюционного творчества. Применительно к социуму – время после его краха и исчезновения в качестве данного социума, применительно к живому индивиду, это – время после его физической смерти. Будущее является пределом (границей) знания человека. Разве великие империи (римская, монгольская и др.) могли себе представить в свое время, каким станет их будущее?! Разве я могу знать, что будет после моей смерти?!

Понятие времени, его деление на прошлое, настоящее и будущее связано с сознательной деятельностью человека, его памятью и целями, с культурой как особой формой обмена деятельностью людей, преемственностью поколений. Само отношение человека к своему существованию как бытию во времени важная веха в его историческом самосознании. При этом ориентированность в социальном времени может иметь разную (в том числе крайне низкую, почти отсутствующую в примитивных обществах) степень выраженности и разную направленность. Для нас важно отметить, что вектор целенаправленных общественных усилий не всегда и не обязательно обращен в будущее; можно сослаться на древние представления об оставшемся позади «золотом веке», на консервативный традиционализм общественной жизни, на религиозное перенесение прошлого в неопределенное мифическое время, а будущего – в столь же неопределенный потусторонний мир. Интересно в этой связи наблюдение лингвистов, что не все языки исходят из пространственной метафоры времени и из его трехчленного деления. Некоторые обходятся двумя глагольными формами, обозначающими отношение между «позже» и «раньше» [3, 101-115]; а в языках, исходящих из трехчленного деления времени, есть, по крайней мере, один индейский язык аймара, который выпадает из привычных представлений: «В аймара прошлое представлено впереди эго, а будущее – позади. Данная модель подтверждается также материалами дейктических жестов: носители

языка аймара при разговоре о будущем указывают пальцами назад, а при разговоре о прошлом – вперед» [3,313].

* * *

Новоевропейская цивилизация развивается под знаком прогресса. При этом прогресс понимается не только как возможное и желательное состояние, а как необходимая форма развития. Здесь «после» и «лучше» сливаются воедино. Идея прогрессивного развития общества и, как следствие, совершенного человеческого устройства была вдохновляющим мотивом активной деятельности людей и высокой целью всех общественных напряжений на протяжении 4-5 столетий. Она, в частности, получила абстрактно завершенную форму в представлениях об идеальном будущем.

Идеальные представления о будущем имели, как правило, характер утопических проектов. Их в самом общем виде можно разделить на религиозные, философские, социальные, типичным формами которых в первом случае являются представления о последнем суде и потусторонней райской жизни, во втором – различные завершенные царства мысли, в третьем – коммунистические проекты. Название самого раннего из коммунистических проектов Нового времени – «Утопия» Томаса Мора – стало понятием, характеризующим идеальное социальное будущее, которое является в такой же мере желанным, в какой и нереальным. Понятие идеального будущего, с одной стороны, поскольку речь идет о будущем, исходит из его понимания как чистой открытости, выражения такого действия, которое является мысленным продолжением длительности, не сковано материей настоящего и не ограничено в свободе желаний, а с другой стороны, поскольку речь идет об идеальном социальном состоянии, то будущее оказывается уже заполненным и не является собственно будущим, это по сути такое же настоящее, только существующее не в реальном живом опыте, а в другом месте или в другое время.

Понятие идеального будущего мыслится как морально совершенное общественное устройство и в этом качестве оно противоречит идее объективности законов существования и развития общества. Эту проблему исследовал А.А. Зиновьев в ходе изучения природы советского коммунизма. Непосредственно он отвечал на вопрос, является ли сложившийся в Советском Союзе строй искажением якобы истинного коммунизма, начертанного основоположниками марксизма, или он в силу законов социальной жизни оказался именно таким, каким он и должен был стать. Его вывод заключался в том, что советский коммунизм был единственно возможным реальным коммунизмом. Коммунизм как синоним желанного общества, на какой

бы стадии своей зрелости он ни мыслился, может быть более совершенным или менее совершенным, более человеческим или менее человеческим, более справедливым или менее справедливым и т.д.. Но он не может быть совершенным в идеальном смысле, так, чтобы вообще был неуязвим по критериям человечности и справедливости. Он не может отменить фундаментальные законы, по которым живет человеческое общество, в силу того простого факта, что оно является совместным существованием неопределенного множества людей. Так, например, любая организация людей предполагает их разделение на тех, кто командует, и тех, кто подчиняется: иначе вообще не может состояться их совместное существование. Эти требования к совместной организации дела «суть независимые от воли и сознания людей факторы их сознательно-волевой деятельности. Люди не в состоянии отменить эти факторы по своему произволу, как они не в состоянии отменить закон тяготения. Люди произвели летательные аппараты, позволяющие преодолевать закон тяготения. Но это не означает, будто сила тяготения перестала действовать. Так и в сфере социальных законов» [4, 209-210]. Общество задает своим членам (социальным субъектам) определенные законы деятельности, которые диктуются тем местом и функцией, которые они занимают в рамках целого: Зиновьев называет их законами экзистенциального эгоизма.

Понятие идеального социального будущего не может быть реальной исторической целью. Оно имеет по преимуществу идеологический смысл, призванный оправдать несправедливость существующих социальных отношений. Общество не может быть идеальным, но это не значит, что таковым не может быть отдельный индивид. Более того: он не может не быть таковым. Поскольку человеческий индивид в качестве разумного существа обладает свободой, в какой бы мере он ею ни обладал, но именно в той, в которой ею обладает, он руководствуется в поведении тем принципом, который считает для себя наилучшим, абсолютным – он возводит идеал в долг. Именно такое сведение своей сознательной жизнедеятельности к единой, им же самой заданной, смысловой основе является специфическим признаком человека среди живых существ. Возвести идеал в долг означает развернуть свое существование в сторону идеального будущего – не того будущего, которое отягощено настоящим, является его продолжением, улучшением, деградацией и т.п., которое поддается какой-либо локализации, какому-либо оформлению, а того будущего, которое находится впереди и совпадает с бесконечностью. Не об этом ли образ известного исламского теолога и философа Аль Газали: «Ведь если семь небес и семь твердей полностью засыпать

просом и повелеть какой-нибудь птице склевывать не более, чем по зернышку, каждую тысячу лет, то оно закончится, а от вечности не убудет ничего» [1, 178]. Нравственное поведение ориентировано на будущее только в том смысле, что оно свободно, идеально ориентировано: оно озабочено не будущим, которое перейдет в прошлое, как и не прошлым, которое предшествовало будущему, оно озабочено тем, чтобы соединить одно с другим и остаться во времени, понимая, что для него будущее также мало, как и прошлое, и ценность имеет только миг равной самой жизни.

* * *

Существует многократно и в разных духовных традициях повторенная нравственная мудрость, согласно которой надо каждое свое дело исполнять так, как если бы оно было последним делом твоей жизни. Она, в частности, то именно и означает, что надо жить без оглядки на будущее. Эта мудрость подчеркивает: ценность нравственного поступка и его награда заключаются в нем самом и в этом смысле нравственный поступок является абсолютным. Нравственность дружит с вечностью, она выражает то начало в человеке, благодаря которому он осознает свое существование как время бытия. Сенеке принадлежит высказывание, что ничто не принадлежит нам, одно только время наше. Отсюда – ценность и абсолютность каждого мгновения. Кто живет мгновением, только тот распоряжается своим, тем, что единственно принадлежит ему самому: прошлого уже нет, будущего еще нет, а есть только мгновение поступка, протягивающее нить времени из прошедшего в будущее. Жить так, словно твой поступок (твой день) является последним, и жить так, словно ты хочешь жить вечно, – в философском смысле значит одно и то же. Логическую обоснованность такого вывода описал еще Аристотель: «Что время или вообще не существует, или едва [существующее], будучи чем-то неясным, можно предположить на основе следующего. Одна ее часть была, и ее уже нет, другая – будет, и ее еще нет; из этих частей складывается и бесконечное время, и каждый раз выделяемый [промежуток] времени. А то, что складывается из несуществующего, не может, как кажется, быть причастным существованию» [2, 145]. Отсюда следует, что мгновение текущей жизни (то, что моралисты именуют последним поступком), аристотелевское «теперь», граница (соединительное звено) обеих частей времени, можно осмыслить как само время в его целостности, чему если что-то вообще соответствует в жизни субъекта, то это только абсолютная нравственная ценность того, что он в данное мгновение делает. Совсем неслучайно именно философы, которые сводили нравственность к абсолютности

индивидуально реализуемой жизненной позиции, выступали против того, чтобы апеллировать к будущему, взывать к нему, жить ради него, словом, возводить в этический аргумент. В этом отношении показательна позиция Л.Н. Толстого. В статье «О значении русской революции» он, подвергнув сомнению саму возможность знания будущего, пишет: «Мало того, что людям не дано знать, в какую форму сложится в будущем жизнь общества; людям бывает нехорошо от того, что они думают, что могут знать это. Нехорошо потому, что ничто так не препятствует правильному течению жизни людей, как это именно мнимое знание о том, какой должна быть будущая жизнь людей» (5,352-353). Мнимое знание о будущем тем извращает жизнь, что смещает нравственную энергию личности на внешние причины вместо того, чтобы сосредоточиться на собственной доброй воле. Кроме того, оно, как считал Толстой и как остается до сегодняшнего дня, является одним из самых коварных и лживых аргументов, коррумпирующих нравственные принципы, в частности, оправдывающих насилие человека над человеком.

Список литературы

1. *Аль Газали*. Совет владыкам // А. А. Хисматулин. Сочинения имама аль Газали. СПб.: Петербургское востоковедение; М.: Садра. 2016.
2. *Аристотель*. Физика. Кн. IV,10 // Аристотель. Соч. в четырех томах. Т.3. М.: Мысль.1981.
3. *Бородай С.Ю.* Язык и познание. М.: «Садра», «ЯСК», 2020.
4. *Зиновьев А.А.* Логическая социология // Феномен Зиновьева. Составители: А.А.Гусейнов, О.М.Зиновьева, К.М.Кантор. М.: Современные тетради. 2002.
5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Соч. Т.3.
6. *Толстой Л.Н.* О значении русской революции // Л.Н.Толстой. Полное собрание сочинений в 90 томах. М.: Гослитиздат, 1953.